

ЗАГАДКА

ГОДА

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

ЗАВЕЩАНИЕ СТАЛИНА

Загадка 37 года

Рудольф Баландин
Завещание Сталина

«Алисторус»

2009

УДК 323
ББК 63.3

Баландин Р. К.

Завещание Сталина / Р. К. Баландин — «Алисторус»,
2009 — (Загадка 37 года)

ISBN 978-5-6993-4079-8

Существует анекдот. Незадолго до смерти Сталин оставил два запечатанных конверта. На одном надпись: «Вскрыть в трудное время». На втором: «Вскрыть в критическое время». Когда наступило трудное время, вскрыли первый конверт. Записка: «Сваливайте все на меня». Когда наступило критическое время, вскрыли второй конверт. Записка: «Делайте, как я». А действительно, что завещал нам И.В. Сталин? Не пора ли нам уже «вскрыть второй конверт»?

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-6993-4079-8

© Баландин Р. К., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Вопросы языкознания	8
Ни надстройка, ни базис	11
О классах и единстве общества	14
«Язык и революция»	16
Зачем понадобилась дискуссия?	18
О свободе мысли	20
О свободе научных исканий	22
Глава 2	24
40 лет спустя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рудольф Константинович Баландин

Завещание Сталина

© Баландин Р.К., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Введение

В 1917 году в России пала монархия, существовавшая более тысячи лет. Мне уже приходилось подробно писать о том, что ни Ленин, ни, тем более, Сталин и другие большевики не принимали активного участия в свержении самодержавия («Мифы революции 1917 года», М., 2007). В действующей армии, в столице и отчасти в стране воцарилась анархия. Николай II под давлением представителей буржуазных партий и военного руководства добровольно-принудительно отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Но и тот, не получив гарантии своей безопасности, тоже отказался от власти, которую подхватило Временное правительство.

Но удивительная легкость свержения буржуазного правительства в октябре семнадцатого доказывает его полную несостоятельность. Генерал А. И. Деникин писал: «Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения».

Во время Октябрьского восстания противник был подавлен морально. 26 октября в разговоре с генерал-квартирмейстером Северного флота Барановским свидетель событий поручик Данилевич сказал: «Все это вышло просто до изумительного». Миф о штурме Зимнего под залпы крейсера «Аврора» призван был показать героический энтузиазм красногвардейцев, славный апогей Октября. В этом была своя правда – такая же, как в мифах, воспевающих героическую эпоху и ее героев. Никто не сомневается, что Троянская война отличалась от ее изображения в «Илиаде». Но это не мешает вновь и вновь возвращаться к бессмертным образам Гомера.

...Существует мнение: когда толпы народа вершат свою волю, начинается вакханалия беззакония. Но значительные жертвы и разрушения происходят при противоборстве государственных систем, классовых или партийных интересов. А когда народные массы сохраняют единство, они не встречают серьезного сопротивления. Кто может им противостоять?

Анархия – это свобода. Вопрос лишь в том, какая свобода, для кого и ради каких целей.

Деструктивная анархия, захлестнувшая страну в 1917 году, могла завершиться развалом России, отчленением окраин, а затем и Центрального района, Сибири. Даже казаки требовали автономии. Такова была суровая реальность. Остановить развал, укрепить государственные устои, сохранить целостность державы могла только жесткая диктатура.

Для народа было губительно состояние взаимной ненависти, развала государства. Это состояние преодолели, установив «диктатуру пролетариата», точнее – партии большевиков.

Адмирал великий князь Александр Михайлович, почти все близкие родственники которого были убиты большевиками, писал незадолго до своей смерти: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Владимир Ильич не позволил расчленить страну. Он оставил после себя государство, которое было немногим меньше Российской империи. Однако пребывало оно в плачевном состоянии разрухи, разброда и морального упадка населения. Сказывалось трагическое наследие мировой и Гражданской войн.

Требовались титанические усилия новой власти, чтобы мобилизовать народ и поднять народное хозяйство, повысить культурный уровень населения. Справился ли Сталин с непомерными трудностями восстановления страны? Да, справился. Потому что его поддержал советский народ.

Без единства, без доверия к вождю такие подвиги в труде и сражениях невозможны. Этого не желают, не могут понять те, кто привык пресмыкаться и служить хозяевам, а уж тем более – кто ненавидит Россию-СССР.

О том, как Сталин выполнил заветы Ленина (и что из них и почему не исполнил в полной мере) я написал в книге «Тайны завещания Ленина». Нам нет необходимости затрагивать эту тему. Главное: СССР стал сверхдержавой и приобрел колоссальный авторитет во всем мире. Этим определялся и столь же необычайный культ личности Сталина не только у нас, но практически у народов всех стран.

Вряд ли можно оспорить то, что Ленин и Сталин были поистине сильными мира сего. Дело не в том, что они поднялись на верхнюю ступень власти в России. И даже не в том, что им удалось укрепить власть коммунистов. Их достижения несравненно весомей.

Об этом не отличающиеся умом и честностью историки стараются не упоминать. Возможно, они, не имея опыта практической работы, не в силах понять, как трудно справиться с теми задачами, которые сумели решить Ленин и Сталин. Для этого требовался не только здравый ум и крепкая память, но и обширные знания, чудовищная работоспособность, умение учиться на своих ошибках, негибкая воля, мужество принимать смелые решения в сложнейших ситуациях, вера в свое правое дело...

Можно ненавидеть по каким-то причинам Ленина и Сталина, но надо быть честным хотя бы перед самим собой: эти люди были из когорты героев, в один ряд с которыми можно поставить очень немногих государственных деятелей мировой истории.

* * *

Существует анекдот. Незадолго до смерти Сталин оставил два запечатанных конверта. На одном надпись: «Вскрыть в трудное время». На втором: «Вскрыть в критическое время».

Когда наступило трудное время, вскрыли первый конверт. Записка: «Сваливайте все на меня». Когда наступило критическое время, вскрыли второй конверт. Записка: «Делайте, как я»...

Основным пунктом негласного завещания Ленина было: укрепить Советский Союз. И его преемнику это удалось в полной мере. Таким же был и главный завет Сталина. Ну а что еще? Оставил ли он более конкретные указания тем, кто станет после него во главе державы?

Эти и многие другие вопросы, включая причины развала СССР, современного состояния России и вариантов ее возможного будущего, нам и предстоит обдумать.

Глава 1

Странное сочинение вождя

Вопросы языкознания

20 июня 1950 года в газете «Правда» появилась статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Она была воспринята читателями, мягко говоря, неоднозначно. До этого вождь редко выступал на страницах центрального органа партии, имевшего гигантский тираж. Тем более что в данном случае речь шла вроде бы о каких-то теоретических проблемах одной из гуманитарных наук.

Я тогда закончил девятый класс и был сильно удивлен. Престарелый руководитель страны, вождь народов, крупнейший государственный деятель эпохи вдруг на какое-то время оставил свои важнейшие дела (страна еще только восстанавливалась после войны) и озаботился темой, которую он не мог знать профессионально. Разве все остальные вопросы у нас решены?

Признаться, у меня мелькнула мысль: странно поступил товарищ Сталин на старости лет. Или он собирается уходить на пенсию? Когда через два с половиной года Сталин умер, я укрепился в своем мнении, что его данная работа была несвоевременной, необязательной, а постоянные восхваления сталинского гения чрезмерно преувеличены.

Начиналась статья: «Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением – высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение».

В те времена вряд ли у кого-то возникла мысль о том, что Сталин мог позволить кому-то написать текст за себя. Тем более было непонятно его желание продемонстрировать свои знания в непростой области языкознания. Неужели вождь настолько уверен в себе, что не опасается попасть впросак?

Впрочем, политизированный писатель Э. Радзинский утверждал, будто «он разрешил своим академикам поработать на него. Правда, и сам хорошо потрудились – не только переписал заново все от начала до конца, но и добавил туда свои новые, потаенные мысли».

Идейный соратник этого писателя политисторик Б. С. Илизаров добавил свою дополнительную струю, утверждая, что Сталин «обладал способностью точно оценить чужую мысль. Но творческой потенции в нем не было. Даже его известные “научные” работы по национальному вопросу, по политэкономии и языкознанию ничтожны по своей базе и выводам. Достаточно сказать, что в основе его изысканий по языкознанию лежат несколько статей из одного тома БЭС, посвященных яфетической концепции Н. Марра, двух небольших отдельных работ академика и нескольких цитат из классиков марксизма».

(Приведенные суждения, как мне представляется, свидетельствуют прежде всего о творческой немочи или нечестности авторов, не сумевших или не пожелавших вдуматься в смысл сталинских сочинений, не способных оценить уровень его знаний. Например, В. И. Ленин писал, что для решения национальных вопросов, «которые сотни лет занимали европейские государства», нельзя «назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина». Впрочем, два упомянутых выше автора, по-видимому, считают себя умней и Сталина, и Ленина, и вообще всех тех, кого они понять не в состоянии.)

* * *

Итак, сталинская статья по вопросам языкознания вызывала тогда недоумение, и, полагаю, не у меня одного. Ссылаюсь на себя, потому что только четыре десятилетия спустя стал понимать значение этой работы как одного из важных пунктов завещания Сталина.

Поводом для этой работы Сталина стала статья академика И. И. Мещанинова и профессора Г. П. Сердюченко «Языкознание в сталинскую эпоху», опубликованная в приуроченной к 70-летию юбилею вождя книге «Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР». В этой статье (сошлюсь на материалы из книги Юрия Емельянова «Сталин. На вершине власти») восхвалялась «перестройка теории языкознания, произведенная в послеоктябрьский период крупнейшим советским языковедом и новатором в науке, академиком Николаем Яковлевичем Марром». По словам авторов, она была осуществлена «под непосредственным и сильнейшим воздействием... ленинско-сталинской национальной политики и гениальных трудов товарища Сталина». Утверждалось, что язык – «сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки», «незаменимое орудие классовой борьбы».

Казалось бы, если придерживаться взглядов хулителей Сталина, вождь должен был после таких славословий в свой адрес преисполниться самодовольством и поддержать раздувателей его культа. А вышло как раз наоборот. Он опроверг все их утверждения. Не потому, что возмущался претензиями Марра стать основоположником марксизма в языкознании. А потому, что выступил во имя правды.

В вышедшем через год после смерти Сталина томе Большой Советской Энциклопедии «Марксизм и вопросы языкознания» было представлено как «выдающееся произведение И. В. Сталина, в котором нашли дальнейшее развитие марксистское учение о языке и коренные положения диалектического и исторического материализма, в особенности положения о закономерном характере общественного развития, об экономическом базисе и надстройке общества».

Статью эту написал известный языковед и литературовед академик В. В. Виноградов. Нет оснований подозревать его в стремлении раздувать культ Сталина. Зачем? Не было уже вождя в живых. Том энциклопедии подписали к печати в середине апреля 1954 года. При желании Виноградов мог бы исправить свой текст. Если он этого не сделал, значит, был убежден в справедливости своих суждений.

Первый вопрос, на который пожелал ответить Сталин: «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?»

Ответ был отрицательным. Если не вдаваться в детали, получалось несоответствие с учением Карла Маркса и основным утверждением материализма. Если существует единственный фундамент общества – экономический базис, то все прочее следует относить к надстройке. Это вполне соответствует постулату о том, что материя первична, а сознание вторично. Одно из проявлений сознания – язык. Значит, он определяется материальным бытием и должен считаться надстройкой. Неужели Сталин с этим не согласен? Он что же – идеалист?

Второй вопрос: «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?»

Вновь ответ Сталина отрицательный. Хотя ставший академиком еще в царское время Н. Я. Марр – профессиональный языковед, археолог, востоковед – пришел к прямо противоположному выводу. Он доказывал, что язык – надстройка над экономическим базисом и явление классовое, а не общенациональное. Нередко правящий класс говорит не на языке простого народа или, по крайней мере, вырабатывает свой язык, отражающий определенное мировоззрение. Разве деление на классы – не коренная особенность человеческого общества? И если существует борьба классов, основанная на экономическом базисе, то разве это не должно выра-

жаться и в языке? Или Сталин полагает, что есть общенациональные интересы, которые важнее, первичнее, чем классовые?

Третий вопрос: «Каковы характерные признаки языка?»

Казалось бы, политическому деятелю не следовало бы забираться в такие теоретические дебри, где и профессионалу легко заблудиться. Или вождь настолько уверовал в свою гениальность, что решил дать свои руководящие указания даже в таких сложнейших проблемах на стыке языкознания, философии, психологии, обществоведения?

Заключительный вопрос: «Правильно ли поступила „Правда“, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?»

Пожалуй, с этого можно было начать. Хотелось бы выяснить, насколько допустимо вести научную дискуссию на страницах главного партийного органа страны? И как ее вести, когда на главные вопросы уже дал свой ответ тот, кого считают выдающимся марксистом-ленинцем, гениальным мыслителем – вождь народов СССР, глава государства, а стало быть, высший авторитет. Кто посмеет оспорить его мнение? Не звучит ли издевкой упоминание о «свободной дискуссии»?

Впрочем, не следует торопиться с выводами. У статьи Сталина было продолжение. На страницах «Правды» он вскоре ответил на письма читателей, высказавших недоумение по поводу некоторых положений его работы или даже возражавших ему.

И все-таки вождь оставался вождем. Он не задавал вопросы, а отвечал на них; не размышлял, предлагая разные варианты объяснений, а высказывал свою точку зрения. Создавалось впечатление, что он давал указания, вещал истины, а вовсе не спорил. Но зачем он это делал? Или ему, как думают некоторые его нынешние хулители, захотелось выставить себя великим мыслителем, «большим ученым»? Мол, мало ему было почестей как главе государства. Легко ему было участвовать в «свободной дискуссии», не имея серьезных оппонентов. Ведь главный из них – академик Марр – давно уже умер.

Вот на какие мысли наводит беглое знакомство с трудом Сталина по языкознанию. Но, как нередко бывает, первое впечатление оказывается обманчивым. При внимательном чтении открывается нечто такое, о чем поначалу и не догадываешься. Оказывается, Иосиф Виссарионович обозначил в этих своих ответах те принципы, которые можно считать его идейным завещанием.

...Небольшое отступление. В своем интересе к языкознанию Иосиф Сталин был не одинок среди великих правителей. Императрица Екатерина II в 1784 году увлеклась чтением солидного труда французского филолога и антрополога Кур де Жебелена. Ее увлекла идея единого праязыка (как много позже и Н. Я. Марра). Она даже принялась составлять сравнительный словарь всех языков. Собранные материалы она передала академику Палласу, который подготовил первый том под заглавием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы».

Правда, императрица никого не критиковала, философией марксизма не владела за неимением таковой, а потому о ее изысканиях в языкознании мало кому известно, да и не представляют они какого-то значительного интереса.

Ни надстройка, ни базис

Выхолощенный до примитивных схем марксизм – на радость лекторам-попугаям и пропагандистам – материальную и духовную структуру общества представлял в виде двух основных категорий. В основании, как положено, покоится экономический базис, а над ним – разнообразные надстройки.

Сталин пояснял: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения». Где же в такой стройной системе место языка? Стараясь перейти на позиции марксизма, Н. Я. Марр нашел единственный, как ему показалось, верный ответ: язык следует отнести к категории надстройки.

Сталин возразил, сославшись на то, что в России был ликвидирован старый капиталистический базис и построен социалистический с его специфическими надстройками, а русский язык и все прочие не претерпели коренных изменений.

В этой связи – небольшое отступление. Революционные бури, сотрясавшие социальную структуру российского общества, сказывались и на духовной культуре. Были даже попытки создать новый язык. Например, в книге «Апокалипсис в русской литературе» Алексей Крученых утверждал, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина»:

Дыр бул щыл
убещур
скуп
вы со бу
р л э з.

Возможно, подобные революционные «сдвиги» в словотворчестве (у Крученых была работа «Сдвигология русского стиха») побудили академика Марра выдвинуть столь же решительные идеи в языкознании. Но революционный пыл его учеников был угашен консервативными суждениями Сталина, который категорически отказался считать язык надстройкой. Он утверждал:

«Язык... коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, усилиями сотен поколений...

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества».

Тут, как говорится, не поспоришь. Происходят революционные перевороты, надстройки меняются, экономический базис тоже, а язык сохраняется.

«Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична». Так писал Сталин.

Какой же напрашивается вывод? Е. Крашенинникова попросила вождя пояснить. Что же такое язык и куда его отнести, если он не базис и не надстройка? Или он – нечто промежуточное? Или это «есть явление, свойственное и базису и надстройке»?

Сталин, отвечая, припомнил, что Н. Я. Марр причислял язык не только к надстройке над базисом, но и к орудиям производства. Но орудия производства производят материальные блага, тогда как язык «ничего не производит или "производит" только слова». И отделался шуткой: мол, «если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире».

Больше ничего пояснять и уточнять он не стал. Можно предположить методом исключения, что, по его мнению, есть нечто более фундаментальное и менее изменчивое в своей сути, чем базис и надстройки. С другой стороны, разве язык как средство общения и развития людей не производит блага? Косвенно – материальные, непосредственно – духовные.

Если развить эту мысль, то получится, что на равных правах с материальным базисом общества существует и духовный, воплощенный, в частности, в языке. Но в таком случае рушится примитивная «марксистская» схема (конечно – не Марксово учение). Возникают новые вопросы. Можно ли вообще проявления духовной культуры причислять к «надстройке»? Разве религиозные верования меняются с изменением экономического базиса? Или меняются философские учения, научные теории, формы искусства?

Нет, конечно. Меняются государственное устройство, социальная структура общества, политика, господствующая идеология. Изменчива и материальная база, техника. Но есть язык, духовная культура, живущие по своим законам. А еще есть изменчивая природа – еще одна важнейшая категория, оставшаяся вне схемы...

* * *

Уклончивый ответ Сталина порождает массу вопросов. И это, конечно же, прекрасно. Самое безнадежное, когда вынесены решения окончательные, не предполагающие дальнейших исследований, не имеющие развития.

Сталину в его практической деятельности, в усилиях по созданию и укреплению нового, невиданного ранее государственного и общественного устройства приходилось не раз пренебрегать догмами марксизма-ленинизма. Жизнь невозможно уложить в прокрустово ложе любой теоретической конструкции.

Но все-таки научный метод предполагает создание гипотез, теорий и – более широко – учений, эмпирических обобщений. Тут без упрощения не обойтись. Не менее важно выработать определенное мировоззрение, чтобы иметь какие-то ориентиры в дебрях идей и фактов.

Может показаться странным, что идеи почтенного академика, избравшего марксизм как основу мировоззрения и попытавшегося с этих позиций осмыслить языкознание (как профессионал!), были решительно отвергнуты именно тем, кого принято было считать четвертым из когорты основоположников этого учения. Не проявилась ли ревность «матерого марксиста» к тому, кто посмел вторгнуться на его идейный плацдарм?

Нет, конечно. Сталин выступил, как бы это ни показалось странным, в защиту профессиональных научных теорий от влияния политики, господствующей идеологии. В то время иные ученые под впечатлением социального переворота были готовы, говоря словами С. Есенина, «задрать штаны, бежать за комсомолом», вносить революционные вихри в науку. Однако бывший пламенный революционер, а ныне государственный деятель, ставший по этой причине консерватором, предложил каждому специалисту заниматься своим делом без оглядки на политическую конъюнктуру.

Вряд ли Марр желал приобрести какие-то выгоды из своего стремления осмыслить языкознание с позиций марксизма. Судя по всему, он искренно поверил в то, что такое победоносное учение, логически выстроенное и подтверждаемое победой социализма, открывает новые перспективы и в науке.

Вообще-то, Марр шел, можно сказать, по следам классиков языкознания. Например, Вильгельм фон Гумбольдт в мае 1802 года писал Фридриху Шиллеру, что для него «общая энциклопедия языкознания» связана с «философией и народоведением». Но одно дело – связывать с философскими учениями (это происходит вольно или невольно во всех науках при переходе от частных проблем к обобщениям), а совсем другое – подчинять им научную мысль.

О классах и единстве общества

В своей работе Сталин вовсе не делал каких-то научных открытий и вряд ли на них претендовал. С позиции здравого смысла он высказывал достаточно тривиальные мысли, критикуя воззрения Н. Я. Марра. Иногда кажется, что академик и его сподвижники в своем стремлении укоренить марксизм в языкознании просто утратили ощущение реальности.

Они воспользовались религиозным методом: основывались на цитатах из сочинений, которые считали авторитетными. А подбирали их так, чтобы доказать полюбившуюся идею. Марксисты-ленинцы (отчасти и сам Сталин) сплошь и рядом поступали так же. Но это относилось главным образом к проблемам политики, идеологии. Для создания научной теории такой метод противопоказан.

Правда, в статье Сталина об этом нет речи. Он старался, прежде всего, доказать, что Марр и его сторонники неправильно поняли высказывания классиков марксизма. Например, у Маркса в статье «Святой Макс» сказано, что у буржуа есть «свой язык», который «есть продукт буржуазии». Казалось бы, явное свидетельство в пользу классового характера языка.

Словно обучая ученых корректности в цитировании, Сталин привел им в назидание другую выдержку из той же статьи, где говорится о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией». И пояснил: «Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон».

Другой пример. Ф. Энгельс написал: «Английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», а «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия».

В данном конкретном случае Иосиф Виссарионович поддержал авторитет классика марксизма, полностью согласившись с ним: «Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны». И тут же добавил: «Но при чем здесь национальный язык, или „классовость“ языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу „классовости“ языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия».

* * *

Критикуя своих оппонентов, Сталин, тем не менее, избегал грубого нажима и безапелляционных утверждений. Он старался убедительно доказать свое мнение. Вот характерный пример его рассуждений.

«Ссылаются на то, что одно время в Англии английские феодалы “в течение столетий” говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу “классовости” языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то. Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то “классовом” языке, а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что английские феодалы и английский народ “в течение столетий” объяснялись друг с другом через переводчиков, что английские феодалы

не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-то большее, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии?»

Читая Сталина, невольно подумаешь: да как же все просто? Он же высказывает очевидные, тривиальные истины. Как же некоторые профессиональные языковеды не додумались до них? Выходит, учение марксизма-ленинизма о классовой борьбе и непримиримых противоречиях в буржуазном обществе пробудило ультрареволюционные порывы у некоторых большевиков.

«У нас были одно время “марксисты”, – писал Сталин, – которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их скрыть и построить новые, “пролетарские” дороги. Они получили за это прозвище “троглодитов”...

Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он, безусловно, существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей».

* * *

Далее Сталин объясняет положение Ленина о существовании двух культур при капитализме: буржуазной и пролетарской: «Ленин здесь абсолютно прав... Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру».

Как государственный деятель Сталин считал своей первейшей обязанностью укреплять не только экономические, но также идейные устои Советского Союза, системы социализма. Этого же он требовал от мастеров (а более того – от подмастерьев) культуры. Могло ли быть иначе? Допустимо ли ставить интересы отдельных «творческих работников» выше национальных интересов?

На такой вопрос кто-то ответит утвердительно. Мол, свобода личности, его вдохновенных порывов важнее служения государственной машине. Но в данном случае следует иметь в виду общество и народ, именно национальные интересы, не противопоставляя им достаточно жалкие притязания личности (чаще всего – бездарной) на свободу творчества. Эту свободу можно использовать во вред Родине и на пользу ее врагов.

Кстати, пролетарский писатель-гуманист Максим Горький в статье «С кем вы, “мастера культуры”?» (1932 год) писал: «Буржуазия враждебна культуре... – вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств».

«Язык и революция»

Так называлась брошюра пламенного марксиста Поля Лафарга. Он утверждал, что во время Великой французской революции «произошла внезапная языковая революция».

Эту мысль подхватил Н. Я. Марр. Он, в частности, писал: «Есть система культур, как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общест-венности с таким разрывом со старыми формами, что новые типы не походят на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась».

Сталин, не вдаваясь в полемику о соотношении курицы и яйца, возразил по существу, опровергая Марра:

«Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выраже-ниями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение неко-торых слов, – и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке – его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка... продолжают жить и поныне в современ-ном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка... нужны столетия».

Эти его соображения не следовало бы вспоминать, если бы не одно обстоятельство. От частного вопроса, относящегося к языкознанию, он перешел к более общему и актуальному:

«Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон пере-хода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, – он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка». И привел пример: в СССР 8-10 лет осуществлялся переход к социа-листическому, колхозному строю. Этот переворот совершался не путем свержения существу-ющей власти, а постепенно. «Это была революция сверху... по инициативе существующей вла-сти при поддержке основных масс крестьянства».

Так-то оно так, да не совсем. О постепенности такого перехода от индивидуального к кол-лективному сельскому хозяйству можно говорить с большой натяжкой, так же как о поддержке основных крестьянских масс. Сначала была попытка осуществить переход самым настоящим взрывным революционным путем в 2–3 года. Она провалилась из-за противодействия со сто-роны большинства крестьян. Приходилось применять силу. Вывод: если указы и постановле-ния можно огласить быстро, психологию крестьянина по приказу враз не изменишь.

С тех пор Сталин постоянно охлаждал революционный пыл большевиков, слишком мно-гие из которых не могли перейти к мирному строительству социализма, действуя по-прежнему больше приказами и запугиванием, чем уговорами и разъяснениями.

А может быть, подобных ультрареволюционеров троцкистского толка (Троцкий предла-гал превратить Россию в трудовой лагерь с военной дисциплиной) не было среди высокопостав-ленных коммунистов? Как показали последующие события, они были. Наиболее явно проявил себя в этом качестве Хрущев. Позже новые революции сверху, покончившие с социализмом в нашей стране и расчленившие Советский Союз, учинили Горбачев и Ельцин со своими сообщ-никами и сторонниками.

Не прошло и двух десятилетий со времени буржуазной революции в нашей стране и уста-новления капиталистических отношений, как явно проявился процесс деградации русского языка. Он не обогатился, а замусорился иностранными словечками и выражениями, разгово-рная речь стала не только выхолощенной, предельно упрощенной, что можно объяснить ослаб-лением интеллекта, но и нередко непристойной, изгаженной матерщиной. Это относится и к

обыденным разговорам (в частности, среди женщин и при них), и к печатным изданиям, и к театральным подмосткам.

Но все-таки русский язык не отмирает и не перерождается. Он остается в потенции все тем же. У части русских он совсем не изменился. Вопрос лишь в том, как им пользуются большинство русских, а также нацмены и какое к нему отношение в мире. Естественно, с развалом социалистического содружества государств и расчленением СССР престиж русского языка значительно упал. Однако сам он сохраняется и будет жить, пока останутся люди, для которых русская культура родная.

Вот и Сталин, на вопрос, каковы характерные признаки языка, ответил: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Вне общества нет языка...

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе».

Зачем понадобилась дискуссия?

Отвечая на этот вопрос, Сталин прояснил и то, по какой причине он принял в ней активное участие. Точнее сказать, выступил со своими, как тогда говорили, основополагающими высказываниями. По его словам: «Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого “нового учения” в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с должностей или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать».

Переход от частной науки к обобщению вполне понятен, если вспомнить, что Сталин в течение всей своей деятельности на посту главы советского правительства неустанно и беспощадно боролся с подобными «замкнутыми группами непогрешимых руководителей», которые начинали «самовольничать и бесчинствовать», обезопасив себя «от всякой возможной критики».

* * *

Завершает работу И.В. Сталина ответ «товарищу А. Холопову». Начинается уважительно: «Ваше письмо получил. Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой». Но далее называет два его предположения глубоко ошибочными. В их суть он не стал вдаваться, предпочитая, как поучал Козьма Прутков, смотреть в корень. Ибо, по словам Сталина, эти предположения основаны на догматическом подходе к теории марксизма и цитировании классиков вне исторического контекста.

Как известно, Маркс и Энгельс пришли к мысли о невозможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране. Однако создание Советского Союза доказало обратное. Значит, основоположники марксизма ошибались?

Нет, отвечает Сталин. Они были правы, но с позиций своего времени. Изменилась ситуация в мире, преобразился капитализм, а потому потребовалось пересмотреть их выводы с учетом новых реалий. Тех, кто этого не понимает, вождь заклеил как начетчиков и талмудистов.

По той же схеме он комментировал и положение Энгельса об отмирании государства после победы социалистической революции. Это нельзя воспринимать как абсолютную истину. Она верна для своего времени и требует корректировки для конкретной обстановки XX века.

Надо отдать должное А. Холопову. Он «поддел» вождя, сопоставив два его высказывания. В одном случае, в докладе на XVI съезде партии в 1930 году, Сталин говорил, что после победы социализма в мировом масштабе национальные языки сольются в один какой-то новый язык. А в статье «Относительно марксизма в языкознании» утверждал, что в результате скрещивания двух языков один выходит победителем, а другой отмирает, без появления нового языка.

Сталин с издевкой пишет, что, обнаружив такое вопиющее противоречие «т. Холопов приходит в отчаяние». Намекнув на его принадлежность к числу начетчиков и талмудистов, вождь пояснил, что в одном случае речь идет об эпохе до окончательной победы социализма, а в другом – после оной. Обе формулы справедливы – каждая для своего времени.

Расправившись с оппонентом, Сталин завершает:

«Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые "никогда" не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решить любые вопросы в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни». Что тут возразишь?

Обратим внимание на завершение сталинской работы:

«Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

28 июля 1950 г.».

Складывается впечатление, что вся дискуссия по вопросам языкознания при целом ряде затронутых более или менее конкретных тем имела некоторую сверхзадачу, которую можно было бы расценивать как одно из завещаний вождя.

О свободе мысли

Появление работы «Марксизм и вопросы языкознания» большинство советских ученых, в первую очередь гуманитариев, восприняло со вздохом облегчения. Высказанные в ней суждения Сталина избавляли ученых от постоянной оглядки на догмы господствующей идеологии, приспособления к ним в любых случаях.

Ученики и последователи Н. Я. Марра захватили господствующее положение в советском языкознании, представив себя глашатаями единственно верного революционного учения марксизма-ленинизма. Они побивали противников не логикой и фактами, а «твердокаменными» цитатами, выдернутыми из сочинений классиков марксизма.

Например, в 1932 году в «Известиях Академии наук СССР» была напечатана статья В. И. Вернадского «Проблема времени в современной науке». Тотчас, в том же номере журнала, последовало резкое опровержение ее основных положений с позиций марксизма А. М. Дебориным. Он обвинил Вернадского в «ползучем эмпиризме», открывающем «двери мистицизму». И сделал вывод, что «оздоровление научной атмосферы, невиданный настоящий подъем научной мысли возможны лишь сознательным поворотом к **философии диалектического материализма**».

В ответ Вернадский не стал оправдываться и, тем более, раскаиваться в своих идеологических «грехах». Откровенно заявил: «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система... не может достигнуть той общеобязательности, которую достигает (только в некоторых определенных частях) наука». «Я как философский скептик могу спокойно отбросить без вреда и с пользой для дела в ходе моей научной работы все философские системы, которые сейчас живы».

Последовали какие-нибудь «организационные выводы» в отношении Вернадского? Нет.

Недрузи Советского Союза утверждают, будто Сталин допускал свободу мысли, суждений только для себя и не терпел возражений. Это неправда. По свидетельству многих, кто с ним общался в разные годы и подчас в экстремальных ситуациях (во время Отечественной войны или, как в его дискуссии с Михаилом Шолоховым, в период коллективизации), со Сталиным можно было спорить, и он умел учитывать мнения, расходящиеся с его собственным.

* * *

На мой взгляд, работа «Марксизм и вопросы языкознания» показала, что Сталина совершенно не удовлетворяла идеологическая работа, которую проводили партийные органы и многочисленные «начетчики и талмудисты» марксистского учения. Сталин попытался оживить его, вывести из состояния застоя. Опоздал!

Он покусился на обширные угодья, где имели возможность безбедно существовать, пережевывая идеологическую жвачку, не утруждая себя излишними заботами, сотни тысяч преподавателей марксизма, партийных деятелей и пропагандистов. Он потребовал творческого подхода к марксизму у тех, кто давно уже утратил творческие способности в философии, приспособились к «основополагающему учению», став интеллектуальными импотентами. (Были, безусловно, и талантливые марксисты, но в данном случае имеются в виду «массы идеологических работников», из которых выделились в виде мутного и дурно пахнущего осадка «прорабы перестройки» и «реформаторы».)

В советской философии, а также социологии, обществоведении воцарилась тоталитарная идеологическая система. Приняв как незыблемые догмы положения марксизма, упрощенные до примитивных схем, ученые вольно или невольно заходили в теоретические тупики. Они не стремились преодолевать и развивать идеи прошлого с учетом изменений, происходящих

в природе, науке, технике, на производстве. Напротив – упорно, а порой злобно защищали догмы, не отвечавшие реальности.

Если бы еще эти проповедники от идеологии верили в то, что они навязывали и защищали от обновления! Многие из этих деятелей, как потом выяснилось, лгали ради карьеры и привилегий. Например – Д. Волкогонов, А. Яковлев, А. Гайдар... Всех и не перечесть. М. Горбачев даже признался, что всегда был антисоветчиком. Как-то в США, получая очередную премию за предательство, он поплакался хозяевам с трибуны: а меня, мол, на родине многие называют Иудой. Возможно, намекал, что за это достоин более высоких гонимых.

Предвидел ли Сталин подобное перерождение и вырождение мнимых коммунистов, представителей партийной элиты? Возможно, предвидел. Хотя кто бы мог ожидать такого маразма, такой степени нравственного вырождения, который продемонстрировали «прорабы перестройки» и «реформаторы»!

Ленин в свое время вполне определенно называл «опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе». По его мнению, «самый опасный враг пролетарской диктатуры» – мелкобуржуазная анархическая стихия. И если ее удалось тогда отчасти обуздать под лозунгом «Земля – крестьянам», то позже, в период коллективизации, она проявила себя с огромной силой, едва не ввергнув общество в новую гражданскую войну.

А затем по мере увеличения благосостояния советских людей, стал возрождаться «буржуазный дух», причем поначалу не столько в среде трудящихся, сколько среди служащих и, в частности, партийных функционеров.

Сталин повидал на своем веку немало предателей и перерожденцев. Он боролся с ними порой жесточайшими методами. Но искоренить их было невозможно. Сорняки, как известно, значительно более живучи и легче приспосабливаются к изменчивым условиям, чем культурные растения. Нечто подобное наблюдается и в общественной жизни, среди людей.

О свободе научных исканий

В СССР официальные идеологи «работали» на государство. То же попытался сделать Н. Я. Марр – по-видимому, искренне и бескорыстно. При этом оказалось, однако, что он удалился и от логики, и от фактов, и от гуманизма в угоду вульгарно понятой официальной идеологии.

Завет Сталина в его «Вопросах языкознания» – преодолеть это заблуждение во имя истины (не абсолютной, конечно) и, что для вождя было наиболее важно, – ради сохранения социалистического пути развития общества. Этот его завет не был исполнен. Даже при жизни Иосифа Виссарионовича, несмотря на его колоссальный авторитет, партийные идеологи – огромная армия, руководимая многими членами ЦК КПСС, – действовала так, как было ей привычно и выгодно.

Академик П. Л. Капица, будущий лауреат Нобелевской премии по физике, летом 1952 года писал Сталину, в частности, следующее:

«Вы исключительно верно указали на два основных все растущих недостатка нашей организации научной работы – это отсутствие научной дискуссии и аракчеевщина... После вашей статьи о языкознании, аракчеевщина у нас не прекращается, но продолжает проявляться в самых различных формах; я лично самую вредную форму аракчеевщины нахожу тогда, когда, чтобы исключить возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль... Аракчеевская система организации науки начинает применяться там, где большая научная жизнь уже заглохла, а такая система окончательно губит ее остатки».

Надо лишь отметить, что в то время, если я не ошибаюсь, у Петра Капицы продолжался конфликт с Лаврентием Берией, который не утвердил его руководителем атомного проекта. Отсюда, пожалуй, и слово «фельдфебельский». Как известно, проект был блестяще осуществлен под руководством Игоря Курчатова. Берия как куратор проекта и поставщик американских секретов, добытых нашими разведчиками, был в данном случае чрезвычайно важной и полезной фигурой.

* * *

Кстати, в отличие от П. Л. Капицы, соображения которого Сталин принимал к сведению заочно, И. В. Курчатов вечером 25 января 1946 года встречался с вождем и тогда же занес в записную книжку свои впечатления. Беседа продолжалась примерно час. «Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране», – записал Курчатов. Надо сказать, что благодаря Сталину эти надежды полностью оправдались. У нас за кратчайшие сроки были созданы тысячи научно-исследовательских институтов, лабораторий, КБ. (Одним из крупнейших организаторов советской науки был В. И. Вернадский.)

Еще одна запись: «Т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом» В данном случае имелись в виду проекты АЭС и атомной бомбы.

Не обошел вождь и проблемы быта: «По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо – это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, имели свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина».

Как видим, Сталин вовсе не предлагал все богатства страны разделить поровну. Напротив, старался материально поощрять наиболее квалифицированных специалистов.

Но вот ведь парадокс: именно из среды наиболее обеспеченных материально деятелей науки, литературы, искусств вышли те, кто активнейшим образом сознательно или невольно содействовали буржуазной революции в СССР, свержению советского социалистического строя. Казалось бы, им не было оснований жаловаться на плохое материальное положение. Значит, у них были сугубо идейные соображения? Значит, они радели не за свои личные или групповые, а за общественные интересы?

С таким мнением трудно согласиться. Конечно, у академика А. Д. Сахарова действительно были идейные соображения. Они были то ли наивны, то ли нелепы по той причине, что он плохо знал реальную жизнь общества вообще и советского в частности, не имел опыта практической работы и товарищеского общения с «простыми людьми», был весьма узким специалистом и находился под чрезмерным влиянием своей второй жены, агрессивной антисоветчицы Е. Г. Боннэр. Он даже отказался от собственных детей; в США неплохо пристроились дети Боннэр в качестве его наследников.

Конечно, печально, когда человек с апломбом пишет о том, в чем слабо разбирается, о чем слышан со стороны и что, проще говоря, не соответствует ни его уму, ни образованию. Ведь ум человека наиболее определенно проявляется в способности осознавать собственное незнание и проявлять максимальную осторожность в суждениях на темы, с которыми он не знаком профессионально. Но в любом случае, А. Д. Сахаров – трижды Герой Социалистического (!) Труда, лауреат разных премий – не правило, а исключение. Его цели, как бы к ним ни относиться, были бескорыстными. Но почти все другие антисоветчики были и остаются людьми корыстными, жаждущими славы и власти – прежде всего, над умами сограждан.

Ученые, которые ратовали за свержение социалистической системы, ссылаясь на подавление научной мысли в СССР, должны были бы уже со времен «перестройки» выдавать замечательные по качеству научные труды, совершать выдающиеся открытия в своих областях, а литераторы – создавать шедевры в стихах и прозе. Вот вам, добились наконец-то свободы творчества!

Увы, ничего подобного не произошло. Вышло все даже совсем наоборот. И если получали за это время кто-то «из наших» Нобелевские премии, то лишь за то, что им удалось сделать в СССР.

Глава 2

Проблемы с экономикой

40 лет спустя

В 1992 году была опубликована брошюра под заглавием «И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР». Эта небольшая книга интересна не только как запоздалое воспоминание о сталинской работе, но и своими дополнительными материалами: «Несколько слов вместо предисловия» академика Станислава Шаталина (слов набралось на две страницы), статьями партийного деятеля Д. Шепилова и экономиста Л. Д. Ярошенко, а также заключением «От редактора» бывшего крупного работника МИД И. Трояновского.

Надо отдать долг составителю (он же и редактор?) данного сборника, в котором представлены разные мнения очень разных людей, что придает ему особый интерес. В наше время на основе полувекового исторического опыта полезно сопоставить высказанные идеи.

«И. В. Сталина у нас не издавали с 1953 года. По вполне понятным причинам. Но сегодня мы вполне созрели для того, – писал Трояновский, – чтобы читать и изучать документы прошлых лет без лишних эмоций и делать правильные выводы. Конечно, это издание осуществлено отнюдь не для того, чтобы пропагандировать сталинизм, а дабы показать широкой общественности квинтэссенцию тех взглядов и подходов, которые довели нашу экономику до катастрофы».

Удивительное признание! Окончательно «прозрев» ко времени переиздания этой работы Сталина, И. Трояновский вроде бы не заметил, в каком решительном контрасте находятся первая и завершающая фразы этого абзаца. Или такова была хитроумная уловка? Ведь отметил же он: «Писал И. В. Сталин ярко и хлестко. Ума и таланта ему не занимать. И писал все сам, собственной рукой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.